

Каждый звук в доме заставлял Ли-санлана вздрагивать, он то и дело вскакивал, метался по комнате, выглядывал в окно. Солнце уже перевалило за полдень, а те, кто понёс свадебный паланкин, всё не возвращались. На душе становилось всё тревожнее.

Теперь он боялся всего сразу: и того, что подмену невесты раскроют, и тогда Жун Фэн придёт разбираться, а такого не остановит никто; и того, что в Наньци-Вадзы у семьи Минь выяснят, что он присвоил себе половину проса, и тогда скандал разнесётся по всей округе, неизвестно ещё, в каком виде его после этого подберут.

Но, оглядываясь на набитый людьми дом, на рты, которые нужно было кормить, он всё же ожесточился. Да, он не сожалел о содеянном. И даже развернулся, чтобы снова отчитывать свою всё ещё всхлипывающую жену:

— Плачешь-плачешь... только и умеешь, что рыдать! Если бы ты не отпустила ночью нашу старшую дочь, мы бы сейчас не сидели на пороховой бочке! Убежала и ладно, но зачем было прихватить двадцать цзиней проса? Теперь нехватка, всё не сходится! Пришлось искать кого-то другого, чтобы дело довести до конца!

Жена Ли-санлана вытерла глаза, но тут же снова разрыдалась, указывая на мужа:

— Бесчеловечный ты! Ради миски каши хотел отправить родную дочь в логово тигра и волка! Я ведь этого Жун Фэна своими глазами видела, у него с рождения глаза призрака, он же не как люди! Как можно было Цуйлянь туда отдавать? Ее бы там замучили до смерти! Да я бы... я бы и на похороны родной дочери не смогла пойти! У-у-у... А если бы она не взяла с собой просо, что, по-твоему, ей оставалось? Умереть с голоду в пути?!

У Ли-санлана тоже заныло сердце, он зло бросил:

— Это у меня нет сердца? Эти два года один голод вокруг! Если бы я каждый день не рисковал шеей, вся семья уже бы подохла! Ты думаешь, я хотел толкать Цуйлянь в огненную яму? Хмпф! В такие-то годы... говорят, в тяжёлых уездах люди уже людей едят! По сравнению с тем у нас тут ещё рай. Взять хоть того ланцзюня-беженца из семьи Минь - чтобы получить пятьдесят цзиней проса, он даже не спросил, за кого его отдают: за человека или за призрака. Молча сел в паланкин. Ради чего? Ради того, чтобы выжить!

Супруги кололи друг друга словом, как ножом. Каждое слово попадало в самое больное. Вскоре оба уже сидели на кане, опустив головы, молча, сгорбленные тяжестью неизбежности.

И в этот момент вбежал нанятый ими паланкинщик. Вернее, влетел, едва не кубарем, перепуганный до потери рассудка. Даже не отдышавшись, он рванул прямо во двор Ли-санлана.

Увидев его, Ли-санлан резко вскочил и поспешил навстречу:

— Что случилось? Почему паланкин не вернули? Я ж его за три лян серебра занял!

Но прежде, чем тот добежал, голос его, раздираемый яростью и страхом, уже катился по улице:

— Ли-лаосань! Да чтоб твои восемь поколений... Я-то думаю: отчего ты так щедро платишь зерном за свадьбу, а оно вот почему! Ты, мерзавец, взял у людей просо, а вместо своей дочери подсунул кого попало! И ты даже не посмотрел, кому ты подсунул! Хе... ещё и паланкин свой требуешь! Да там все только и думали, как бы живыми убежать! Кому нужен твой паланкин, когда жить охота?!

У Ли-санлана в голове словно громом ударило и он, пошатнувшись, ухватился за дверной косяк, застыв, как столб.

Паланкинщик тем временем выкрикнул последнее, что мог:

— Тот живой мертвец с синим глазом сказал, что придёт за тобой! Так что молись!

Выругавшись так, что стены вздрогнули, он вбежал в дом, схватил свою плату и, не выпив даже чашки воды, рванул прочь.

Ли-санлан медленно осел у дверей, обмяк, шепча:

— Всё... конец.

— Муж, что же нам теперь делать? — плаксиво спросила жена.

— Людей зови! Всех! Всю нашу родню! А сама беги к своим в Шаньюй, кого найдёшь, веди всех!

Он и вправду решил так: пусть говорят, что Жун Фэн страшен, как сам демон, но он же не трёхголовый, не шестирукий, значит, толпа мужиков его уработает. К тому же какая разница, кого привезли в паланкине? Дали ему живого человека - дали. Ночью тот в одной ли постели спал - откуда им знать. А если вздумают просо вернуть - не выйдет! Неужели он позволит так просто забрать обратно пятьдесят цзиней проса?

Тем временем в полной тьме Бянь Хуна охватил леденящий холод, словно он снова лежал в

ледяной воде, как бывало на фронте, когда они зимой часами прятались в реке в засаде. Под берегом враг всё ближе; стоило подняться выше и его бы заметили. Руки сводило от холода, но он всё же махал флажками, передавая приказ товарищам. Сотни клинков выныривали из ледяной воды, сверкая, как зимние звёзды. Он, стуча зубами, сложил ладони, передавая команду:

— Убить!

Но вместо глухого, вязкого удара лезвия о плоть в ушах вдруг раздался чистый, звонкий треск, будто разбилась чайная чашка.

— Кто там?! — Бянь Хун резко сел, всё тело напряглось, готовое к нападению. Но слабость, высосавшая все силы за последние дни, накатила мгновенно: голова закружилась, перед глазами потемнело.

К счастью, перед ним стоял не кровожадный солдат с клинком, а согбенная старушка в простых, поношенных одеждах, с серебристыми, как иней, волосами. Она держала в руках чашку горячей воды.

— Дитя, проснулся... Иди, выпей тёплой рисовой похлёбки, живот согреешь, — тихо сказала она.

Старушка шла ощупью, явно плохо видела, шаги её были неуверенными, дыхание слабым. По всему было видно: она тяжело больна и долго не проживет.

Бянь Хун окончательно пришёл в себя. Положение своё он вспомнил сразу - он в доме того самого человека, которого здесь называли рожденным от нечисти, убийцей, обладателем «призрачных глаз». Эта старушка, должно быть, его мать.

Бянь Хун взглянул на осколки чашки и растекшуюся похлёбку. Выходит, пока она, слепая и больная, несла ему тёплую еду, он, очнувшись в испуге, напугал её до того, что чашка выскользнула. Он немного расслабил плечи и почувствовал даже неловкость. Но ведь он - невеста-подмена, и не знает, куда исчез тот самый «демон-муж», который уже раскрыл обман.

Сейчас было ясно одно: чем меньше говорит - тем лучше.

- Спасибо, — тихо сказал Бянь Хун и протянул руку, медленно принимая чашку с тёплой рисовой похлёбкой. Он почти автоматически выбрал место у самого края, чтобы при передаче их руки не соприкоснулись.

Почувствовав, что он принял чашку, старушка добродушно кивнула:

— Пей потихоньку, сынок. Там ещё есть.

Бянь Хун опустил взгляд - похлёбка была густая, молочно-белая, почти до половины наполненная рисовыми зёрнами; аромат тёплый, насыщенный, совсем не похожий на ту водянистую «рисовую воду», что стояла на столе в доме Минь Байгуя. Бянь Хун вспомнил двух младших, и сердце немного оттаяло. Значит, Юаньдин и Гуаньбао сейчас тоже, должно быть, едят сытную кашу.

Старушка, прислушиваясь к тому, как он поспешно прихлёбывает, улыбалась всё мягче:

— Сяо Фэн сказал, что у тебя в животе давно не было еды, надо сначала рисовым отваром желудок согреть, потом уж мясное. Не переживай, раз уж вышел замуж, к нам пришёл, голодным да раздетым точно не останешься.

Бянь Хун и так пил, дрожа от голода, но услышав слово «выйти замуж», тут же поперхнулся и резко согнулся, закашлявшись так сильно, что чашка едва не выскользнула.

— Ох, ох, не торопись, — всполошилась старушка. — Не хватит, мама ещё подольёт.

То, что старушка называла себя матерью, ещё больше лишало Бянь Хуна покоя. За всю свою жизнь он так и не имел с этим словом ни малейшей связи, и теперь оно звучало для него непривычно, неровно, будто обращались не к нему.

Он поспешил остановить старушку, собравшуюся за новой чашой. На полу всё ещё лежали осколки, а со зрением у неё плохо: в такие соломенные тапки легко впился бы черепок.

— Не нужно... Вы... вы присядьте.

Сказать «мать» он так и не смог. Произнеся это, он, чувствуя, как горячая похлёбка немного согрела его изнутри, осторожно спустил ноги с лежанки, наклонился и стал подбирать осколки. Даже упавшие рисовые зёрна он тоже собрал, аккуратно переложив их в самый крупный кусок черепка. Подняв глаза и немного помедлив, он чуть смущённо спросил:

— Где... здесь есть вода?

Старушка, прищурясь, с ласковым смешком смотрела на усердную, экономную «новую невестку»:

— Снаружи, за домом, колодец стоит, а ниже бассейн для стирки и мытья. Я-то редко хожу, глаза уже ни к чёрту, да и ноги не держат.

Бянь Хун кивнул и повернулся, чтобы пойти ополоснуть зёрна. Когда-то в приюте наставник Сюй учил их: упавшее на пол есть нельзя, это грязно, можно отравиться. Но здесь... Здесь Бянь Хун слишком хорошо знал цену еде.

Чашка рисовых зёрен - это одна человеческая жизнь.

Пятьдесят цзиней проса, и можно без труда купить большого, живого человека.

...как сейчас он сам.

— Осторожно, дитя, у колодца скользко.

После этого Бянь Хун молча присел у края колодца, спиной к старухе, не произнося ни звука. В своей исковерканной судьбе он научился поднимать нож на злых людей, но так и не научился спокойно принимать доброту и заботу. Сейчас он был похож на ёжика, затаившегося в темноте: чувствительного, пугливого, покрытого иголками. Стоило пошевелиться, и он мог ранить других... и себя.

Дешёвая и грубо окрашенная красная свадебная одежда линяла так сильно, что стоило ей намокнуть, как по ткани растекались тёмные пятна. Он опустил глаза и на миг ему показалось, будто это стекает его собственная кровь. Лицо его побледнело, он поспешно сорвал платье с себя, оставаясь только в старой, изношенной рабочей робе, пережившей с ним чёрную угольную шахту.

Здесь, у подножия горы, было куда холоднее, чем внизу. Стоило ветру скользнуть по коже, Бянь Хун задрожал и закашлялся. Старушка, услышав кашель, немедленно позвала его назад в дом, всполошилась, порывшись в сундуке, и набросила на него огромную ватную куртку.

— Ох ты ж бедовое дитя, как же велика! Это ещё Сяо Фэн носил, когда ему лет десять с лишком было. Сынок, тебе нужно поесть побольше, подрасти, силы в себя вернуть... Сейчас как раз есть время, подойди-ка, мама снимет мерку, подправлю и будет впору. Не смотри, что я теперь слепая: в молодости глаза у меня были загляденье, да и иголку с ниткой в руках держать умела так, что все хвалили.

Бянь Хун в смущении вскочил и отступил в сторону, не зная, как быть. Старушка же на ощупь пошла к нему, и её тёплая, но сухая и грубая ладонь легла на его предплечье. Всё тело Бянь Хуна моментально напряглось, но он не смел резко вырваться, боялся ранить эту мягкую, болезненную старую женщину.

И в этот момент дверь во двор скрипнула.

Бянь Хун мгновенно поднял голову, резко выскользнул из-под руки старушки и, почти машинально, схватил рядом лежащее полено, скрывшись в тени дверного угла, готовый к нападению.

Лишь когда старушка повернула голову и, вслушавшись в шаги, радостно сказала:

— Сяо Фэн вернулся! Паланкин уже отправил назад?

Только тогда Бянь Хун немного очнулся. С огромным усилием он заставил руки разжаться и опустил полено, но всё ещё стоял в углу, не решаясь даже дышать громко.

Шаги за дверью были стойкие, ровные, длинные - мужчина вошёл в дом всего за пару секунд:

— Отправил.

Но Бянь Хун не мог не заметить: от мужчины пахло кровью; на костяшках рук засохли брызги крови; а в правой руке он держал мешок.

Тот самый мешок. Слишком знакомый.

Вчера он своими глазами видел, как этот мешок - те самые пятьдесят цзиней проса - передали в руки Минь Байгуя... а затем ему надели красную одежду, помогли подняться в старый, перекошенный свадебный паланкин, в котором до него неизвестно сколько чужих людей проезжало в разные дома...

И вот этот мешок снова в руках мужчины.

Перед глазами Бянь Хуна всё поплыло, сердце словно сжали железные когти. В голове звенело: всё ясно... Этот сильный, опасный, пугающий мужчина узнал про подмену. Понял, что ему подсунули «фальшивку». Разозлился. Пошёл к семье Минь. Забрал свою плату обратно... и, возможно, разнёс дом, как на войне.

Увидев кровь на его костяшках, Бянь Хун сорвался с места - из тени бросился вперёд, вцепился в его одежду и, почти сорванным голосом, выкрикнул:

— Что ты сделал с семьёй Минь?!

Но его силы рядом с силами этого человека были... даже не смешны, ничтожны. Разница между ними была слишком велика. Жун Фэн без труда перехватил его слабое, дрожащее движение: большой ладонью он просто сомкнул пальцы на запястьях Бянь Хуна, прижав их вместе.

Его волосы, жёсткие, словно конский хвост, упругим взмахом откинулись назад, обнажив чёткий профиль и ту самую пару глаз - легендарные «глаза призрака», о которых судачили в деревне Шаньюй.

Один - синий, как глубокая вода.

Другой - тёмно-карий.

Эти глаза неподвижно, пронзительно смотрели на Бянь Хуна. Но затем при виде тревоги в лице старушки, смотревшей на них из комнаты, он медленно разжал пальцы и сказал негромко, почти бесстрастно:

— У невесты скверный характер.

<http://bllate.org/book/13502/1199888>